

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

ИЗОЛЯЦИОНИЗМ СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ?
УЧЕНЫЕ, «ИМПОРТ–ЭКСПОРТ» В НАУКЕ И ВЛАСТЬ

А. ЯСНИЦКИЙ

Данное исследование продолжает цикл работ, посвященных специфике изоляционизма советской психологии в 1920–1930-е гг. (Ясницкий А. // Вопросы психологии. 2010. № 3; 2011. № 1), открывая публикацию серии из трех статей, в которых анализируются характер и механизмы международных коммуникаций советских психологов как представителей, с одной стороны, определенного локального научного сообщества, а с другой – интернационального сообщества ученых в области психоневрологического сегмента наук о человеке. Международные коммуникации в науке представлены здесь как асимметричные процессы научного «импорта» и «экспорта». Данная статья, первая из трех, посвящена обзору основных тем и подходов и рассматривает взаимоотношения советских психологов с локальными спонсорами науки (что в случае советской науки безальтернативно означает партийно-государственный аппарат) и влияние этих взаимоотношений на международные коммуникативные практики ученых.

Ключевые слова: международные контакты, научные коммуникации, изоляционизм, научный импорт, научный экспорт, международная наука, отечественная наука, неформальные системы личных знакомств.

Наука – не только система развивающегося знания, но и сфера деятельности специфического профессионального сообщества, один из социальных институтов общества. Разумеется, все эти три ипостаси представляют собою один и тот же объект...

Мирская Е.З. Р.К. Мертон и этос классической науки

В современной научной литературе существуют две точки зрения на характер международных коммуникаций советской психологии в довоенный период 1920–1930-х гг. Первая точка зрения представлена зародившейся несколько десятилетий назад традицией, которая трактует советскую науку как «репрессированную» и подчеркивает уникальность советского опыта социальной истории науки, понесшей большой урон от режима большевиков, а особенно пострадавшей от административного вмешательства в дела науки в годы

сталинизма¹. Согласно этой традиции, международные контакты советской психологии прекратились в начале 1930-х гг. и стали возможны лишь после смерти Сталина в 1953 г. Характерно, что зачастую при этом уникальность исторического опыта «репрессированной» советской психологии «в страдательном залоге» сопровождается несколько парадоксальными утверждениями об исключительности научных достижений советской науки, подобными тому, что «в материалах исследований и конференций проявляется глубокое своеобразие отечественной доре-

¹ Наиболее характерным, можно даже сказать, нормативным образцом публикаций в этой традиции следует считать двухтомник «Репрессированная наука», вышедший под редакцией М.Г. Ярошевского [14], [15]. С характерным обличительным и разоблачительным дискурсом публикаций этих двух томов можно ознакомиться в Интернете; см., напр.: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/os.htm> и <http://www.ihst.ru/projects/sohist/os2.htm>

волюционной и советской психологии, ее методов и подходов» [6; 6]. В той или иной форме такая точка зрения лежит в основании подавляющего большинства исследований, затрагивающих вопросы социальной истории психологии в СССР; попытки открытого критического обсуждения оснований этих исследований редки, а потому особенно ценны (см., напр., [3], [4]).

Вторая точка зрения была озвучена в работе Д.А. Александрова «Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной науки» [1], в которой выдвигается альтернативная версия истории международных коммуникаций советской науки в целом. В противовес традиции исследований истории «репрессированной науки» с ее утверждением как уникальности советского опыта социальной истории, так и исключительной оригинальности содержания научных теорий и достижений советской науки, Д.А. Александров подчеркивает активность и инициативную деятельность советского научного сообщества² и приходит к выводу о том, что «все разноуровневые процессы 1930-х гг. усиливали тенденции к автаркии, как в мас-

штабах всего государства, так и в масштабах социального института науки. Так постепенно при участии многих факторов складывалась изолированность научного сообщества. *Тенденция к научной автаркии началась с естественного стремления к самодостаточности и была следствием силы отечественного научного сообщества.* Окончательно же сформировавшись под влиянием политических репрессий, послевоенной ксенофобии и политической изоляции времен холодной войны, сама изоляция привела к ослаблению многих направлений, к замыканию отечественной науки в коконы “уникальных направлений” и т.п. Теперь уже, и это характерно в наши дни, именно слабость науки и ученых подпитывает риторику культурной специфики и необходимости избежать влияния Запада» [1; 24]³.

Оба подхода при всей их явной противоположности разделяют, тем не менее, общее заключение о международной изоляции советской науки в 1930-е гг. Действительно, советские граждане были законодательно и фактически ограничены в свободе получения информации и зарубежных поездок. В то же время приходится признать, что эти две интерпретации истории международных коммуникаций советской науки игнорируют многочисленные примеры научных контактов, продолжавшихся на протяжении всего довоенного периода. В противовес распространенному мнению о том, что международные контакты советской психологии стали пресекаться в начале 1930-х гг., недавние исследования данных международных публикаций и участия советских психологов в международных конференциях с неопровержимой очевидностью свидетельствуют о том, что международные взаимодействия советских психологов продолжались практически

² Пример такой инициативной деятельности советских ученых, аффилированных с Академией педагогических наук РСФСР (АПН РСФСР), можно найти в работе Н. Кременцова. В своей статье «Равнение на ВАСХНИЛ», посвященной истории кампании против генетики в Педагогической академии, развязанной в сентябре 1948 г., автор обсуждает роль «инициативы снизу» в целях решения собственных научных проблем [9]; см. также публикацию в Интернете: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/books/os2/83-96.htm>. Другим примером обсуждаемой здесь «деятельности снизу» является «межвидовая борьба» за ресурсы среди советских ученых внутри одной дисциплины, описанная в другом исследовании этого автора [8]; см. также в Интернете: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/books/paperelome/1/107-164.pdf>. Дальнейшее и значительно более детальное развитие этой темы можно найти в программной монографии того же автора, со времени своей публикации в 1997 г. ставшей классической работой по истории советской науки [41].

³ См. также текст в Интернете: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/alex93v.htm>

непрерывно на протяжении всего последующего десятилетия [22], [23]. Таким образом, и история о насильно изолированной от всего мира «репрессированной» науке, и вывод о становлении самодостаточности и самоизолированности советской науки если и приложимы к ситуации в советской психологии и смежных дисциплинах в довоенный период, то весьма ограниченно и с существенными оговорками. Очевидно, что система множественных научных контактов в глобальной сети советских и западных психологов поддерживалась личными знакомствами и перепиской, переводными публикациями в Советском Союзе и за его пределами, участием в научных конференциях, заграничными командировками и стажировками, совместными научными проектами и т. п. и имела своим результатом двусторонний обмен информацией о текущих научных проектах, методах и результатах исследований. В то же время специфика международных коммуникаций при участии советских психологов нуждается в детальном обсуждении. Данная статья открывает такое обсуждение.

Пожалуй, главным методологическим препятствием для строго научного анализа международных научных коммуникаций является традиционное, но достаточно искусственное разделение научных мероприятий на национальные и международные, или же, иначе говоря, отделение истории отечественной науки от науки международной. Взамен предлагается рассматривать явления в истории науки с точки зрения «двойной лояльности» (dual loyalty) ученых по отношению к национальным и научным интересам, т. е. неразрывной связи между, с одной стороны, местом ученых в социальной структуре и их взаимоотношениями с представителями власти, отвечающими за состояние науки в данной конкретной стране, и, с другой стороны, разнообразной деятельностью ученых по удовлетворению их собственных научных интересов и реализации исследовательских программ

в соответствии с общепринятыми нормами научного исследования в той или иной научной дисциплине [39]. Очевидно, что в условиях резкого ухудшения условий жизни и научных исследований, крайнего обострения международных отношений, роста националистических и ксенофобских настроений в стране такая двойственность положения ученых может подвергаться определенным испытаниям и вызывать проблемы личного выбора и самоопределения.

Рассматривая научные коммуникации как систему «коммуникативных актов», направленных на обмен информацией между индивидуальными и коллективными научными деятелями, мы выделяем два принципиально различных, но взаимосвязанных процесса — условно говоря, «отправку» и «прием» научной информации. В самом деле, применительно к научным публикациям «совершенно неправомерно утверждать относительно всех статей, что они пишутся потому, что кому-то хочется читать их. Цель пишущего научную статью и цель читающего ее не совпадают» [12; 108]. Следуя Н. Кременцову [40], в данной работе мы будем говорить об «экспорте» как деятельности по целенаправленной отправке, передаче научных достижений за рубеж и об «импорте» научной информации как системе мероприятий по «приему», т. е. переводу с других языков, при необходимости — адаптации к локальным условиям, по внедрению и распространению научных теорий, методов и экспериментальных практик, разработанных иностранными исследователями. Очевидно, что все эти процессы происходят не в вакууме, а в конкретных социальных обстоятельствах и в результате активных действий конкретных агентов международного научного обмена. В данной работе мы рассматриваем три основные группы таких агентов: 1) советские психологи, 2) партийно-государственные руководители («патроны», patrons) науки в СССР

и 3) зарубежные ученые (peers). Все они вступали в определенные официальные и неформальные отношения, в основе которых лежала сеть личных знакомств и связей (informal personal network) [26]. В конечном счете именно эта сеть знакомств и связей является объектом данного исследования международных коммуникаций ученых.

Итак, структура презентации данного исследования, представленного в цикле из трех статей, определяется заявленными целями и задачами исследования. В данной и последующих двух статьях международные научные коммуникации рассматриваются, соответственно (1) как деятельность советских ученых по «импорту—экспорту» научного знания, (2) с точки зрения социальных институтов и взаимоотношений между наукой и властью в Советском Союзе в довоенный период и (3) как деятельность сети советских и иностранных научных посредников («брокеров», brokers) между научными сообществами стран Запада и Советского Союза. Этот цикл публикаций завершается (4) обсуждением механизмов международной миграции научного знания, понимаемой как импорт, усвоение, трансформация и реимпорт идей. Наш анализ опирается как на опубликованные результаты исследования международных коммуникаций советских психологов ([22], [23]), так и на новые и еще не опубликованные данные.

СОВЕТСКИЕ ПСИХОЛОГИ: «ЭТОС НАУКИ» И «ИМПОРТ—ЭКСПОРТ» НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Психология в России дореволюционного периода была в значительной степени вторична, неоригинальна, и зависима от достижений психологов Западной Европы и Северной Америки, а потому нельзя не согласиться с С.Л. Рубинштейном, который в 1935 г. подчеркивал, что «состояние психологии в России накануне Октябрьской революции в основном отражало ее состояние на Западе» [16; 35]. Думается, что такое по-

ложение дел сохранялось и на протяжении по меньшей мере всего первого послереволюционного десятилетия. Таким образом, можно утверждать, что к концу 1920-х гг. среди значительной группы советских психоневрологов существовала сознательная установка на международные контакты, свидетельством чему — их активная работа по двустороннему обмену научной информацией, направленная как на «экспорт», так и на «импорт» научного знания. Следует при этом отметить, что международную активность проявляли далеко не все ученые, а лишь определенная их часть (например, В.М. Боровский, С.В. Кравков, А.Р. Лурия, Д.Н. Узнадзе, А.Л. Шнирман, И.Н. Шпильрейн). Объяснить это обстоятельство можно как личными предпочтениями тех или иных научных деятелей, так и тем обстоятельством, что по политическим причинам (и все же в первую очередь из-за ощутимых проблем финансирования⁴), доступ советских граждан к международным контактам в этот период был существенно ограничен. Заметно также, что и «экспорт» и «импорт» были достаточно избирательны. Так, переводу на иностранный язык подвергались не все материалы советских публикаций, а лишь те, которые представляли сугубо научную ценность, например, результаты оригинальных исследований и монографии, в то время как учебные, методические, полемические и общественно-политические материалы предназначались, по всей видимости, преимущественно для внутреннего пользования. В то же время избирателен был и перевод на русский язык, зачастую он отражал научные пристрастия тех исследователей, которые инициировали публикацию западной литературы в переводе. Например,

⁴ Из опубликованных архивных документов Академии наук СССР мы знаем, что в 1920-е гг. руководящие органы поощряли заграничные поездки ученых, готовых путешествовать за границу за свой счет и способных самостоятельно оплатить все дорожные расходы [10].

усилиями участников «круга Выготского» ([54], [55]) работы гештальтпсихологов, к которым они проявляли заметный интерес, были представлены на русском языке сравнительно лучше, чем работы, выполненные в рамках других направлений западной психологии [49].

Международная публикационная активность, очевидно, является прямым следствием участия ученых в международных научных конференциях и в других формах научных коммуникаций и взаимодействий, таких как частная переписка, обмен публикациями, проведение совместных исследовательских проектов, и т.п. Например, сообщения о предстоящей психологической экспедиции в Среднюю Азию и краткие заметки об успехах первой экспедиции (1931) и второй (1932) были растиражированы их организатором А.Р. Лурией и опубликованы за рубежом в виде целой серии статей в четырех журналах на двух языках — английском и немецком [43]—[48]. Достаточно легко угадываются цели, которые преследовал А.Р. Лурия, оповещая западную аудиторию о ходе исследований: экспедиция изначально задумывалась как масштабное международное исследование при участии крупнейших западных ученых, и эти публикации ставили своей целью рекламировать новый проект и, по всей вероятности, привлечь к участию в нем иностранных специалистов. В результате личных переговоров и массивной рекламной кампании в зарубежной научной периодике виднейший психолог К. Коффка действительно стал участником второй экспедиции в Среднюю Азию в 1932 г., однако, судя по его письмам и воспоминаниям об экспедиции, остался мало впечатлен результатами среднеазиатских исследований А.Р. Лурии и его команды [33].

Все эти многочисленные личные контакты внутри международной сети неформальных личных связей (*informal personal networks*) приводили зачастую к тому, что информацию о ходе и результатах иссле-

дований ученые получали не из печатных изданий, а напрямую, еще до публикации, от своих коллег-исследователей. Например, в книге Л.В. Занкова «Очерки психологии умственно-отсталого ребенка», вышедшей в 1935 г., в контексте продолжительного обсуждения теории К. Левина и экспериментальных исследований его учеников и сотрудников, содержится ссылка на неопубликованную работу Пауля Кепке (Paul Köpke), исследовавшего психологическое замещение у нормальных и слабоумных детей [7; 136]. Что любопытно, исследование П. Кепке «*Ersatzbefriedigung bei normalen und schwachsinnigen Kindern (Substitute satisfaction in normal and in feeble-minded children)*» так и осталось неопубликованным вплоть до наших дней. С другой стороны, в письмах А.Р. Лурии В. Келеру 1931—1932 гг. (см., например, письмо от 3 декабря 1931 г. [11; 63—64]) мы находим достаточно подробные отчеты о ходе его среднеазиатской экспедиции, результатах психологического исследования, проведенного в ходе этой экспедиции, и планах на будущее. Как и в случае с работой П. Кепке, эти данные оставались неопубликованными во время написания и отправки письма. Более того, при жизни адресата, В. Келера (1887—1967), результаты психологической экспедиции А.Р. Лурии в Среднюю Азию опубликованы так и не были.

Интенсивные контакты между учеными разных стран приводили к образованию международных исследовательских проектов, таких как уже упомянутая международная психологическая экспедиция А.Р. Лурии в Среднюю Азию летом 1932 г., и переводных проектов, как, например, серия русскоязычных публикаций и презентаций исследований психологов-гештальтистов, инициированных советскими психологами круга Л.С. Выготского и А.Р. Лурии (к их числу относятся доклады Б.В. Зейгарник летом 1931 г., К. Коффки — летом 1932 г. и К. Левина — весной 1933 г.; все доклады были сделаны в Москве). Кроме того, в 1936 г.

планировался выпуск сборника психологических работ памяти Л.С. Выготского под условным названием «Психологическое развитие и распад», при участии виднейших западных психологов, таких как Карл Бюлер, Арнольд Гезелл, Адемар Гельб, Курт Коффка, Курт Левин, Карл Лэшли и Жан Пиаже (письмо А.Р. Лурии М. Вертхаймеру из Москвы от 20 февраля 1936 г. [37; 271]). М. Вертхаймер был также приглашен принять участие и даже выслал А.Р. Лурии свою статью для сборника (см. письмо М. Вертхаймера А.Р. Лурии из Нью-Йорка от 16 июля 1936 г. [37; 275]). Местонахождение этого, равно как и других текстов, предположительно полученных А.Р. Лурией для сборника, неизвестно до сих пор, а их содержание представляет собой значительный интерес для современных психологов и историков психологии. Из переписки А.Р. Лурии и К. Левина за 1936 г. (архив по истории американской психологии — «Archives of the History of American Psychology», Экрон, штат Огайо) мы знаем также о планах на перевод книги К. Левина «Топологическая психология»⁵ и даже на организацию психологической топологической конференции в Москве или в Харькове. Ни один из этих проектов 1936 г. реализован не был⁶.

Итак, как мы видим, удачные международные научные проекты сопро-

ждались непонятными срывами и неоправданными провалами. Чтобы понять причины как успехов, так и неудач в международных коммуникациях советских психологов, рассмотрим специфику их взаимоотношений со спонсорами и партийно-государственными руководителями науки в СССР.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ НАУЧНЫЕ КОММУНИКАЦИИ И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ

Рассмотрение специфики изоляционизма советской психологии с необходимостью предполагает выход за узкие рамки интеллектуальной истории науки в область истории социальной и социально-политической. В то же время нельзя не отметить, что подавляющее большинство попыток социальной истории советской психологии в работах как отечественных, так и ряда зарубежных авторов выполнено в рамках подхода, сформулированного в традициях международной советологической историографии периода холодной войны еще в начале 1950-х гг. Этот подход хорошо известен в литературе под такими названиями, как «традиционный», «тоталитарный», «советологический» или, применительно к историографии науки, «история репрессированной науки». Со значительным отставанием от западных исследований такой подход был реализован в работах восточноевропейских, русскоязычных авторов в России, Украине, Беларуси и других странах начиная лишь с середины 1980-х гг.

Согласно этому подходу, советская наука неизменно описывается в категориях противостояния репрессивной власти и героической «репрессированной» науки, отчаянно сражающейся за свое выживание в условиях безжалостного кровавого сталинского тоталитаризма и беспощадного, хищнического подавления личных свобод ученых, невинных жертв бесчеловечной административно-командной системы

⁵ Книга «Principles of topological psychology» вышла на английском языке в 1936 г. в переводе Фритца и Грейс Хайдеров (Fritz & Grace Heider), с посвящением Еврейскому университету в Иерусалиме (Hebrew University of Jerusalem).

⁶ О научных контактах между группами Выготского—Лурии и германско-американской группой психологов-гештальтистов см. продолжение этой статьи в следующем номере журнала, а также, еще подробнее, в статье «К истории культурно-исторической гештальтпсихологии: Выготский, Лурия, Коффка, Левин и др.» (в печати) в специальном номере «Психологического журнала Международного университета природы, общества и человека “Дубна”» («Dubna Psychological Journal») [21]; сайт журнала в Интернете: <http://www.psyanima.ru/>

1930-х гг.⁷. Влияние власти на научные исследования и судьбы ученых при этом описывается как одностороннее и непременно негативное.

Между тем, как это неоднократно отмечалось в историографии советской науки так называемого ревизионистского направления, такой «традиционный» подход в значительной мере игнорирует факт беспрецедентной организационной и финансовой поддержки национальной науки правительством большевиков после 1917 г. и становления модели государственной «большой науки» в стране [38], [41]. Так, в 1918–1919 гг. постановлениями революционного правительства была отменена система дореволюционных научных званий и, таким образом, фактически ликвидирована иерархия должностей в науке; за этим последовала и полная институциональная реорганизация научных и учебных заведений по всей стране: «Эти революционные и, казалось бы, разрушительные меры на деле привели к расцвету университетской науки — в естественных науках новые кафедры появлялись как грибы после дождя. Создавались новые учебные и научные заведения — как естественнонаучные, так и гуманитарные. Именно благодаря радикальному разрушению университетской иерархии степеней и званий в 1918–1922 годы происходит активная институционализация научных дисциплин» [2]⁸. Эти революционные изменения естественным образом затронули и область психоневрологических наук, свидетельством чему стало стремительно растущее количество всевозможных научных, медицинских и учебных организаций, занимавшихся психологическими (в том числе педологи-

ческими, психотехническими, дефектологическими и психогигиеническими) исследованиями. Так, А.М. Эткинд, опираясь на данные количества психолого-педагогических организаций по состоянию на 1922 г., представленные в издании «Педагогическая Москва: Календарь-справочник за 1923 г.» [13], приводит свидетельства размаха психологического образования и исследований в стране, не сопоставимых по масштабу роста с положением дел как в дореволюционной науке, так и, пожалуй, в науке подавляющего большинства индустриально развитых стран Запада того времени. Так, в 1922 г. в одной только Москве подготовку специалистов психологического профиля обеспечивали по меньшей мере 6 вузов, 4 педагогических института, 9 педагогических техникумов и 13 профильных научно-исследовательских центров под патронатом и при финансовой поддержке таких министерств (наркоматов), как Наркомпрос (просвещение), Наркомздрав (здравоохранение), Наркопром (отраслевые промышленные наркоматы), Наркомтруд, Наркомпути (транспортное сообщение) и ВЦСПС (профсоюзы). Вместе с тем научное сообщество самоорганизовывалось: по инициативе научных работников возникали низовые психологические общества и массовые ассоциации, число которых к концу 1920-х гг. достигало шести [20; 16–17].

Отличительной чертой становления советской науки после 1917 г. было постепенное сращивание научных элит и партийно-правительственного аппарата и, в конечном счете, возникновение гибридного научно-партийного руководства советской наукой. Характерный пример такого партийно-государственно-научного гибрида можно найти в работе Д. Тодеса «Павлов и большевики» [19], [51]; см., в частности, трогательную историю взаимоотношений большевистского лидера (член партии с 1906 г., член ЦК в 1917–1934 гг.) и академика АН СССР по Отделению гуманитарных наук (экономика) (с 1929 г.) Н.И. Бухарина

⁷ Для работ этого плана зачастую характерна некоторая эмоциональная окрашенность научного дискурса.

⁸ Цитируется по электронному варианту статьи Д.И. Александрова, опубликованному в Интернете; см.: <http://magazines.russ/nlo/2002/52/alek.html>

и физиолога, лауреата Нобелевской премии (1904), делегата на III съезд Советов Ленинградской области (1935) И.П. Павлова⁹. Любопытна также ремарка современного российского исследователя М.Ю. Сорокиной, в своей работе о В.И. Вернадском подметившей, что «к 1936-му власть не чуждалась больше “бывших” — они стали почти “своими”, вольно или невольно, часто того не замечая, воспроизводили на своей территории ту же тоталитарную конструкцию. И на место И.П. Павлова приходит дворянин Л.А. Орбели, всего через несколько месяцев после смерти Павлова полностью меняющий исследовательскую программу павловского института и занимающий все номенклатурные места в оргструктуре дисциплины; на место Н.Я. Марра — дворянин и сенаторский сын И.И. Мещанинов» [18]¹⁰. С начала 1930-х гг. наука все больше встраивается в иерархическую модель общества, а контроль государственно-партийного аппарата над наукой растет. Отношение научного сообщества к партийно-государственному контролю того времени трудно назвать однозначным. Современный российский историк науки и социолог, заместитель директора филиала НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге Д.А. Александров так описывает эту ситуацию: «Советские ученые, пережившие политические волнения 1905—1907 годов, смуту гражданской войны, нападки культурной революции, агрессию ОГПУ и страхи Большого террора или хотя бы часть из этих ужасов истории, с чувством удовлетворения, а нередко и признательности принимали свой новый статус. Надо признать, что они оказались в одной из самых выгодных позиций в рамках того социального контракта, который советское государство “подписало” с советскими про-

фессионалами и который остроумная Вера Данэм назвала “Большой сделкой” [29]. Профессора возмущались политическим давлением и слежкой, которые все время давали о себе знать, грубостью и невежеством партийных чиновников, засильем в некоторых областях людей, по их меркам неприличных и ненаучных (Лысенко — самый знаменитый пример), но они были довольны условиями работы и отношением государства к науке — этому есть тьма свидетельств. И они были не против, когда монополии в дисциплинах и областях осуществляли люди, с их точки зрения, приличные и научные. Видные ученые России получили в этой системе тот статус и те возможности, которые всегда хотели иметь — как кажется, не без оглядки на хорошо знакомую им немецкую систему — и которые им не давало ни царское правительство, ни ранняя советская власть. “Я хочу и могу жить в России, только будучи поставлен в особое положение и пока это имею”, — писал В.И. Вернадский сыну в 1929 году¹¹. Если в 1929 году “особым положением” могли похвалиться немногие, то уже к концу 1930-х особый статус приобрело все большее и большее число ученых, преимущественно в Академии наук, которая стала ведущим и крайне привилегированным научным учреждением страны» [2]¹².

Понимание интересов и предпочтений верхушки власти в стране (как правило, членов Политбюро и лично И.В. Сталина), а также механики взаимодействия участников административно-партийного и научного симбиоза позволяет нам понять и механизмы функционирования советской науки начиная с 1930-х гг., в частности, стоящие за международными комму-

⁹ См. текст в Интернете: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/viet/1998/3/26-59.pdf>

¹⁰ См. также в Интернете: <http://russcience.euro.ru/papers/sork97n.htm>

¹¹ Ссылки на литературу см. в сноске 39 электронной версии оригинальной публикации Д.А. Александрова; см. в Интернете: <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/53/alek.html>. О В.И. Вернадском см. также сноску 14 данной публикации, ниже.

¹² См. текст в Интернете: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/viet/1998/3/26-59.pdf>

никациями советских ученых процессы и динамику их изменений. Интересы партийно-административного аппарата в отношении советской науки определялись следующими основными факторами, при этом соотносительный вес и важность того или иного из них в разные исторические периоды менялись в соответствии с изменениями внешней и внутренней политики страны: 1) экономика, народное хозяйство и соображения экономической целесообразности; 2) медицина и образование; 3) военная промышленность и задача достижения военного превосходства; 4) идеология и пропаганда, определявшие как внутренний, так и внешний образ страны и ее международный престиж. В качестве иллюстрации научных приоритетов власти большевиков характерен пример конкурса научных работ, объявленного Комиссией содействия ученым при Совете народных комиссаров СССР в 1932 г. По условиям конкурса лучшие научные работы должны были соответствовать ряду критериев:

а) представлять собой оригинальный вклад в мировую науку;

б) способствовать освобождению Советского Союза от иностранной зависимости;

в) содействовать скорейшему разрешению основных проблем социалистического строительства;

г) способствовать укреплению обороноспособности СССР¹³.

Очевидно, что международная научная политика, с одной стороны, является неразрывной частью государственной внешней политики и дипломатии, а с другой — представляет собой составной элемент государственной политики в области

науки, и такая двойственность должна лежать в основе любой попытки понять процессы, стоящие за международными контактами советских ученых в обсуждаемый период. Таким образом, применительно к международным научным обменам, позицию власти можно свести к следующей несколько упрощенной формуле: «импорт» научного знания и технологий на нужды экономического и социального развития и модернизации народного хозяйства внутри страны, «экспорт» советского образа жизни как составная часть дипломатии и пропагандистской кампании за рубежом. Начнем с «экспорта».

Экспорт советского образа жизни за рубеж осуществлялся в самых разнообразных формах и продолжался вплоть до самого начала Второй мировой войны в 1939 г. Так, к наиболее ярким примерам пропагандистских международных мероприятий Советского Союза конца 1930-х гг. следует отнести организацию помпезнейших павильонов Советского Союза на Всемирных выставках искусств и техники во Франции (*Exposition Internationale des Arts et Techniques dans la Vie Moderne*, Париж, 1937) и в США (*New York World's Fair*, Нью-Йорк, 1939). Именно в этом контексте и должна быть понята поддержка международных форумов представителями власти: при поддержке и с одобрения высшего органа управления, Политбюро, в Советском Союзе была проведена целая серия международных научных конгрессов и конференций. В их число входят II Международный конгресс почвоведов (Москва и Ленинград, июль 1930), VII Международная психотехническая конференция (Москва, сентябрь 1931), IV Международный ревматологический (Москва, май 1934), XV Международный физиологический (Ленинград и Москва, август 1935) и XVII Международный геологический конгрессы (Москва, июль 1937) [41; 84–91]. Планировалось также проведение VII Международного генетического конгресса в Москве в 1937 г., однако он был

¹³ Объявление о конкурсе опубликовано в журнале «Фронт науки и техники» — ежемесячном общественно-политическом издании Всесоюзной ассоциации работников науки и техники — активных участников социалистического строительства СССР (ВАРНТСО) и Секции научных работников (СНР) Академии наук СССР — в № 6 за 1932 г.

перенесен советскими властями на следующий, 1938 г., в результате чего решением международного научного сообщества генетический конгресс был проведен в Эдинбурге в 1939 г. [39]. Очевиден и позитивный пропагандистский эффект от этих международных конгрессов: как следует из восторженных публикаций, американские и европейские ученые зачастую уезжали из Советского Союза, искренне потрясенные размахом научных исследований и масштабом государственной поддержки науки в СССР (см., например, отзывы иностранных участников о XV Международном физиологическом конгрессе [30], [34]–[36]).

Демонстрация успехов передовой советской науки ученым капиталистических стран лежала в основе аргументации ученых в их переговорах с чиновниками партийно-государственного аппарата, ведавшими распределением финансовых и административных ресурсов в науке. Именно таким образом советским ученым удалось основать целую серию научных журналов на иностранных языках, выходивших в Советском Союзе в 1930–1940-е гг. вплоть до начала холодной войны в 1947 г. Список из шести советских журналов, публиковавших переводные и оригинальные материалы на иностранных языках, включает такие наименования, как «*Physikalische Zeitschrift der Sowjetunion*», «*Acta physicochimica U.S.S.R.*», «*Comptes rendus de l'Académie des sciences de l'URSS*», «*Bulletin de Biologie et de Médecine expérimentale de l'U.R.S.S.*», «*Acta Medica U.R.S.S.*» и «*Journal of Physics*» (подробнее см. в [23; 129]). К этим изданиям примыкает периодическое издание Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) «*V.O.K.S. bulletin*», выходившее в Советском Союзе на английском, французском и немецком языках в 1930–1956 гг. с варьирующей периодичностью и под разными названиями («*V.O.K.S.*» – в 1930–1934 гг., «*VOKS illustrated almanac*» – в 1934 г., «*Culture and life*» – с 1957 г.). Это издание с определенным постоянством

публиковало статьи ведущих ученых, представлявшие иностранному читателю положение дел в советской науке того времени (о ВОКСе и его роли в международном культурном обмене, международных коммуникациях советских граждан и отношениях между властью и советской интеллигенцией см. [28]). В данном контексте также представляет определенный интерес и выходящий за рубежом переводной журнал на немецком языке «*Unter dem Banner des Marxismus*» (Берлин – Вена, издавался с марта 1925 по февраль 1936 г.), где среди преимущественно философских статей советских и заказных авторов было опубликовано несколько статей советских психологов, таких как А.Р. Лурия [42] и Л.С. Выготский [52], [53].

Пропагандистские аргументы также использовались учеными при отправке советских специалистов за границу и организации международных конференций и конгрессов в СССР. Очевидно, что личные международные контакты советских ученых преследовали в том числе цели ознакомления с положением дел в западной науке и ее возможным «импортом» в Советский Союз. Эта сторона международных коммуникаций нашла свое отражение в корреспонденции ученых с властью, а именно в их аргументах о важности заимствований из-за границы с целью обогащения научной теории, общественной и народохозяйственной практики в СССР (см., напр., [5], [10]).

«Экспорт» советской науки за рубеж, при всей его несомненной пропагандистской важности в дипломатии, играл, тем не менее, вспомогательную роль в международных отношениях Советского Союза, а в определенные периоды отходил на второй план. В этой связи надо вспомнить, что частые и длительные заграничные поездки за счет государства и беспрепятственный доступ к информации (и не только сугубо научной) из-за рубежа были разрешены лишь узкому кругу научных работников наивысшего уровня советской академиче-

ской иерархии, чьи научные заслуги были бесспорны и безоговорочно признавались во всем мире. Решения о многомесячных командировках этих научных деятелей принимались зачастую на наивысшем уровне партийно-государственной власти, т.е. на заседаниях Политбюро [5]. Думается, в качестве представителя советской академической элиты характерен академик В.И. Вернадский (1863–1945), имевший практически неограниченные возможности международных контактов в 1930-е гг., включая такие «причуды», как прямая телефонная линия с дочерью и сыном, жившими в эмиграции, соответственно в Праге и в США, подписка на американскую ежедневную новостную газету «Нью-Йорк Таймс» («New York Times») и многомесячная поездка по Европе (Франция, Англия, Чехословакия) в 1936 г. с короткими визитами в Веймар (чтобы, по его словам, «почувствовать Гёте») и Лейпциг (с тем, чтобы встретиться со старым гимназическим другом) (см. [18])¹⁴. Тем не менее на основную часть научных деятелей распространялись ограничения на заграничные поездки, вызванные далеко не в последнюю очередь динамикой развития внешнеполитического курса страны. Именно этим обстоятельством и можно объяснить нерегулярность заграничных поездок советских психологов и флуктуации в публикациях материалов на иностранных языках. На спады и подъемы международной активности советских психологов оказывали влияние как внутренние, так и внешние факторы.

К примеру, некоторый спад в числе иноязычных публикаций в СССР и зарубежных поездок советских психологов в 1932–1933 гг. был вызван острейшим внутривластным кризисом и обострением государственного террора, связанным с такими процессами первой пятилетки

(1928–1932), как форсированная индустриализация, коллективизация и культурная революция [31]. Второй спад приходится на 1936–1938 гг. и совпадает с периодом «антилузинской», «патриотической» кампании в науке (июль – август 1936 г.)¹⁵, тектоническим сдвигом в психолого-педагогических науках, вызванным беспрецедентным постановлением ЦК ВКП (б) от 4 июля 1936 г. «О педологических извращениях в системе наркомпросов», и, наконец, далеко не в последнюю очередь чистками и сталинским Большим террором.

Статистику спадов и подъемов международных поездок советских психоневрологов несколько «портит» участие И.П. Павлова и Л.А. Орбели в зарубежных научных конференциях по психологии, физиологии, и нейрологии соответственно в 1931–1932 и в 1937 гг. [22]. Следует, однако, при этом принять во внимание, что оба – и И.П. Павлов, в то время единственный Нобелевский лауреат от Советского Союза, и Л.А. Орбели, официально признанный преемник И.П. Павлова после его смерти в 1936 г. и наследник его «физиологической империи», включавшей разветвленную сеть академических институтов и исследовательских организаций, – входили в тот же круг советской академической элиты, что и В.И. Вернадский (см. сноску 14), а потому практически беспрепятственно выезжали за границу, причем подчас в сопровождении родственников или ассистентов [5].

Замеченные изменения в выборе языков для международных коммуникаций [23] свидетельствуют о двух тенденциях в «языковой политике» советской психологии. Во-первых, судя по разнообразию и непо-

¹⁵ О кампании, развязанной против математика, академика АН СССР (1929) Н.Н. Лузина под формальным предлогом борьбы с его активной публикационной деятельностью за рубежом, и о некоторых ее последствиях для международной активности советских ученых см., например, в статье Д.А. Александрова [1].

¹⁴ См. то же и в Интернете: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/sork97n.htm>

следовательности языковых предпочтений в разных публикациях того времени, этот разброс отражает скорее низовую инициативу научных деятелей на местах, чем скоординированную «языковую политику», одобренную на высшем уровне руководства страны. Во-вторых, нельзя не обратить внимание на постепенное выпадение немецкого языка в практике международных коммуникаций советских психологов с начала 1930-х гг. Это наблюдение идеально вписывается в историю развития отношений между СССР и Германией после прихода к власти национал-социалистической партии и резкого разрыва множественных научных связей между этими двумя странами в начале 1930-х гг. (об истории советско-германских научных связей в период между двух мировых войн см. [17], [50]). В этом контексте обращают на себя внимание редкие публикации советских ученых на немецком языке в австрийских изданиях (напр., в «Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse и Wiener Klinische Wochenschrift») [23; 127], свидетельствующие о том, что выбор языка и страны для международных научных сообщений был вызван в первую очередь не абстрактными лингвистическими соображениями, а конкретными обстоятельствами международного положения СССР в конкретный исторический период.

Импорт научных знаний, так же как и «экспорт», зависит от сочетания внешне- и внутривнутриполитических факторов. При этом следует понимать, что, по логике партийных боссов, курировавших науку в СССР, оправданным и целесообразным являлся импорт только тех зарубежных достижений науки и технологии, которые могли быть использованы для модернизации народного хозяйства и, в конечном счете, послужить целям построения «нового общества» и воспитания «нового человека». Именно этим обстоятельством можно объяснить то, что трансформация народного хозяйства, культуры и общества, произошедшая в ходе форсированной индустриализации

и культурной революции конца 1920-х — начала 1930-х гг., повлекла за собой изменения в спросе на научное знание, в частности в области общественных наук и наук о человеке (об идеале «нового человека», его трансформации в ходе 1920—1930-х гг. и влиянии этой трансформации на психологические науки см., например, [27], [32]). Таким образом, к середине 1930-х гг. целый ряд научных теорий и даже целых дисциплин (например, педология, психогигиена¹⁶ и психотехника) оказался не востребован высшим партийным руководством страны [25]. Эти процессы естественным образом сказались на сокращении «импорта» научного знания. Другим важным фактором, повлиявшим на уменьшение потока научных разработок, «импортируемых» в СССР, было начало политического изоляционизма страны после сталинского «Великого перелома» 1929 г., обострившегося в 1931—1933 и 1937—1938 гг.

И все же, несмотря на культурные и политические процессы изоляционизма в стране в 1930-е гг., «импорт» знания из-за границы, хотя и в ограниченной форме, все же продолжался. Здесь следует подчеркнуть, что, говоря об «экспорте» и «импорте» научного знания, несмотря на их кажущееся сходство, надо понимать принципиальное отличие одного от другого. «Импорт» знания не равняется ввозу литературы из-за рубежа. В то время как «экспорт» знания представляет собой набор сравнительно простых операций по передаче или пересылке рукописей, переводу с одного языка на другой и публикации материалов исследования, «импорт» знания предполагает гораздо более сложные процессы, требующие, помимо перевода

¹⁶ О причудливых коллизиях истории психогигиены в Советском Союзе и за рубежом см. предстоящую статью о специфике изоляционизма советской психологии в свете интеллектуальной истории науки, понимаемой как история миграции, трансформации и циркуляции идей.

и публикации достижений иностранных ученых, также интерпретации иностранных исследований и их адаптации в условиях другой исследовательской культуры, с последующим распространением и внедрением в исследовательскую практику. Очевидно, что «импорт» знания, понимаемый таким образом, гораздо в меньшей степени зависит от законов движения материи (т.е. перемещения физических предметов и, соответственно, ограничений на их перемещение); он в большей степени подчиняется законам движения мысли. В условиях запретов на иностранное, с определенной периодичностью возникавших в советской общественной и интеллектуальной жизни, «импорт» знания принимал формы завуалированного, неатрибутированного или опосредствованного цитирования, обогащавшего «двоеречие» (double speak) дискурса советской науки [24], но затруднявшего понимание подлинного смысла научных текстов непосвященными. В этом отношении зарубежные ученые, заинтересованные в «импорте» советской науки из СССР и не стесненные в свободе выражения мысли, явно находились в привилегированном положении по сравнению с их советскими коллегами — по крайней мере, так дело обстояло до начала холодной войны¹⁷.

1. *Александров Д.А.* Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной науки, 1914–1940 // *Вопр. истории естествознания и техники.* 1996. № 3. С. 3–24.
2. *Александров Д.А.* Фритц Рингер, немецкие мандарины и отечественные ученые // *Нов. лит. обозр.* 2002. № 53. С. 90–104.
3. *Богданчиков С.А.* Проблемы изучения истории советской психологии. Саратов: Изд-во СГСЭУ, 2009.
4. *Богданчиков С.А.* Советская психология в мировом историко-психологическом контексте (современные подходы к проблеме) // *Психол. журн.* 2006. Т. 27. № 1. С. 89–96.
5. *Есаков В.Д., Осипов Ю.С.* Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) – КПСС, 1922–1991. М.: РОССПЭН, 2000.
6. *Ждан А.Н.* Состояние и актуальные задачи истории психологии в СССР // *Изучение традиций и научных школ в истории советской психологии* / Под ред. А.Н. Ждан. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 4–13.
7. *Занков Л.В.* Очерки психологии умственно-отсталого ребенка. М.: Учпедгиз, 1935.
8. *Кременцов Н.Л.* Принцип конкурентного исключения // *На переломе: советская биология в 20-х–30-х гг.* Вып. 1 / Под ред. Э.И. Колчинского. СПб.: СПбФИИЕТ РАН, 1997. С. 107–164.
9. *Кременцов Н.Л.* Равнение на ВАСХНИЛ // *Репрессированная наука.* Вып. 2 / Под ред. М.Г. Ярошевского. СПб.: Наука, 1994. С. 83–96.
10. *Куманев В.А., Панцирев Ю.А.* Международные научные связи Академии наук СССР: 1917–1941. М.: Наука, 1992.
11. *Лурия Е.А.* Мой отец А.Р. Лурия. М.: Гнозис, 1994.
12. *Мирская Е.З.* Коммуникации в науке // *Вопр. философ.* 1969. № 8. С. 107–115.
13. *Педагогическая Москва: Календарь-справочник за 1923 г.* М.: Новая Москва, 1923.
14. *Репрессированная наука* / Под ред. М.Г. Ярошевского. Л.: Наука, 1991.
15. *Репрессированная наука.* Вып. 2 / Под ред. М.Г. Ярошевского. СПб.: Наука, 1994.
16. *Рубинштейн С.Л.* Основы психологии: Пособие для высших педагогических учебных заведений. М.: Учпедгиз, 1935.
17. *Советско-германские научные связи времени Веймарской республики.* СПб.: Наука, 2001.
18. *Сорокина М.Ю.* Русская научная элита и советский тоталитаризм (очень субъективные заметки) // *Личность и власть в истории России XIX–XX вв.: Мат-лы науч. конф.* СПб.: Нестор, 1997. С. 248–254.
19. *Тодес Д.* Павлов и большевики // *Вопр. истории естествознания и техники.* 1998. № 3. С. 26–59.
20. *Эткинд А.М.* Общественная атмосфера и индивидуальный путь ученого: опыт прикладной психологии 20-х годов // *Вопр. психол.* 1990. № 5. С. 13–21.
21. *Ясницкий А.* К истории культурно-исторической гештальтпсихологии: Выготский, Лурия, Коффка, Левин и др. // *Психол. журн. Между-*

¹⁷ Вторую статью из цикла работ о специфике изоляционизма советской психологии, которая посвящена анализу неформальных личных связей ученых, деятельности международных научных посредников и их роли в «импорте» зарубежной психологии, читайте в следующем номере журнала.

- народного университета природы, общества и человека «Дубна». (В печати)
22. Ясницкий А. Об изоляционизме советской психологии: зарубежные конференции 1920—1930-х гг. // *Вопр. психол.* 2010. № 3. С. 101—112.
  23. Ясницкий А. Об изоляционизме советской психологии: научные публикации 1920—1930-х гг. // *Вопр. психол.* 2011. № 1. С. 124—136.
  24. Ясницкий А. Очерк истории Харьковской школы психологии: первая научная сессия Харьковского государственного педагогического института и появление «Харьковской школы психологии» (1938) // *Культурно-историч. психол.* 2009. № 2. С. 95—106.
  25. Ясницкий А., Завершинева Е. Об архетипе советской психологии как научной дисциплины и социальной практики // *Нов. лит. обозр.* 2009. № 100. С. 334—355.
  26. Adams M.B. Networks in action: The Khrushchev era, the Cold War, and the transformation of Soviet science // Allen G.E., MacLeod R.M. (eds). *Science, history, and social activism: A tribute to Everett Mendelsohn*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2001. P. 255—276.
  27. Bauer R.A. *The new man in Soviet psychology*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1952.
  28. David-Fox M. From illusory «society» to intellectual «public»: VOKS, international travel and Party-intelligentsia relations in the interwar period // *Contemporary European History*. 2002. V. 11. N 1. P. 7—32.
  29. Dunham V. *In Stalin's time: Middle-class values in Soviet fiction*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1976.
  30. Duranty W. The International congress of physiology in Leningrad // *Science*. 1935. V. 82. N 2120. P. 153—155.
  31. Fitzpatrick S. (ed.). *Cultural revolution in Russia, 1928—1931*. Bloomington, IN: Indiana Univ. Press, 1978.
  32. Halfin I. *Terror in my soul: Communist autobiographies on trial*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 2003.
  33. Harrower M. *Kurt Koffka: An unwitting self-portrait*. Gainesville, FL: Univ. of Florida Press, 1983.
  34. Heyd C.G. Some social and medical impressions of Moscow // *Amer. J. of Digestive Diseases and Nutrition*. 1935. V. 2. N 11. P. 686—692.
  35. Hill A.V., Cattell J.M. The Fifteenth International congress of physiology // *Science*. 1935. V. 82. N 2124. P. 240—244.
  36. Ivy A.C. The Fifteenth International physiological congress, Leningrad and Moscow, August 8—18, 1935 // *Amer. J. of Digestive Diseases and Nutrition*. 1935. V. 2. N 11. P. 692—695.
  37. King D.B., Wertheimer M. *Max Wertheimer and Gestalt theory*. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 2005.
  38. Kojevnikov A.B. *Stalin's great science. The times and adventures of Soviet physicists*. L.: Imperial College Press, 2004.
  39. Krementsov N.L. *International science between the world wars: The case of genetics*. L.: Routledge, 2005.
  40. Krementsov N.L. Lysenkoism in Europe: Export-import of the Soviet model // David-Fox M., Peteri G. (eds). *Academia in Upheaval: Origins, transfers, and transformations of the communist academic regime in Russia and East Central Europe*. N. Y.: Garland Publishing Group, 2000. P. 179—202.
  41. Krementsov N.L. *Stalinist science*. Princeton: Princeton Univ. Press, 1997.
  42. Luria A.R. Die moderne Psychologie und der dialektische Materialismus // *Unter dem Banner des Marxismus*. 1928. Jahrg. 2. S. 506—524.
  43. Luria A.R. Psychological expedition to Central Asia // *Science*. 1931. V. 74. P. 383—384.
  44. Luria A.R. Psychological expedition to Central Asia // *J. Genet. Psychol.* 1932. V. 40. P. 241—242.
  45. Luria A.R. Psychologische Expedition nach Mittelasien // *Zeitschrift für angewandte Psychologie*. 1931. N 40. S. 551—552.
  46. Luria A.R. [Report from] Russia // *Character and personality*. 1932. V. 1. N 1. P. 82.
  47. Luria A.R. The second psychological expedition to Central Asia // *Science*. 1933. V. 78. P. 191—192.
  48. Luria A.R. The second psychological expedition to Central Asia // *J. Genet. Psychol.* 1934. V. 44. P. 255—259.
  49. Scheerer R. Gestalt psychology in the Soviet Union // *Psychol. Res.* 1980. V. 41. N 2—3. P. 113—132.
  50. Solomon S.G. *Doing medicine together: Germany and Russia between the wars*. Toronto: Univ. of Toronto Press, 2006.
  51. Todes D. Pavlov and the Bolsheviks // *History and Philosophy of the Life Sciences*. 1995. V. 17. P. 379—418.
  52. Wygotski L.S. Die genetischen Wurzeln des Denkens und der Sprache // *Unter dem Banner des Marxismus*. 1929. Jahrg. 3. N 3. S. 450—470.
  53. Wygotski L.S. Die genetischen Wurzeln des Denkens und der Sprache // *Unter dem Banner des Marxismus*. 1929. Jahrg. 3. N 4. S. 607—624.
  54. Yasnitsky A. Vygotsky Circle as a personal network of scholars: Restoring connections between people and ideas // *Integrative Psychological and Behavioral Science*. 2011. V. 45. N 4. P. 422—457.
  55. Yasnitsky A. *Vygotsky circle during the decade of 1931—1941: Toward an integrative science of mind, brain, and education*: Ph. D. dissertation, University of Toronto, 2009.